

ПАРОМ

– Вода – большая! Какая большая вода! – с чувством повторяла мама.

Мы с Серёжкой переглянулись. Что маму так встревожило? За окном мягко скользящего автобуса тянулась безмятежная гладь водохранилища. Мы с братом рады были этой поездке и этой красоте. Мама редко выбиралась с нами за город. «Я – городская, – частенько твердила она. – Вы уж с папой...»

Да мы и так... За грибами – с папой, на речку купаться – с папой, на лодке в пруду кататься или на качелях в парке качаться, книжки читать – тоже не с мамой. Она целыми днями пропадала в школе. Наверное, тысячу детей выучила, а может, и больше. А нам, её детям, хотелось простого с нею общения и, конечно же, безраздельного. Или – мы, или... Когда мы поехали в Углич (на целых два дня!), в дом отдыха, – это была наша маленькая победа. Решено: и купаемся, и загораем, и в музеи ходим, и книжки читаем только с мамой. Мы ни разу не были в старинном городе. Хотя, помнится, мама порою что-то рассказывала о нём. И старшие братья кое-что поведали младшим об увиденном ими не раз. А тут такое приключение! И с мамой!

– Кремль посмотрите, кремль! Это – главное! Про остальное мама в автобусе расскажет, – от-

махивались братья от наших всяких многих-много «как», «где» и «почему».

Слушать маму – одно удовольствие, рассказчица она отменная. Но сегодня она всё время сбивается, запинается. И опять с какой-то тоской говорит о большой воде. Но мы уже с братом Серёжкой слушаем маму в пол-уха – и вот несёмся к берегу наперегонки, на ходу скидывая одежду...

105

Мы барахтались в воде, а мама сидела на покатом зелёном берегу и читала книгу, поглядывая на нас. Когда раздались истошные крики играющих на мелководье карапузов, она первая подскочила к детям и подхватила малышей на руки. Я же и мой брат Серёжка наслаждались купанием, ведь нас младенческие крики не касались. Когда мы проголодались да умаялись, вспомнили про маму. Её на прежнем месте не было. Она почему-то стояла высоко на берегу и плакала. Как же так!.. Маме плакать не положено! Родители не плакали никогда! На все расспросы она слабо махнула рукой и повела нас обедать.

Вечером, налюбовавшись кремлём, побывав в большом музее, мы всё-таки стали тормозить маму:

– Почему ты не плавала? Почему ты плакала? Почему ты не веселишься с нами?

– Как так вышло, – задумчиво проговорила мама, – что путёвки в дом отдыха дали именно

сюда. Понимаю: я бы всё равно рассказала про паром, но попозже... Ваши старшие братья уже знают эту страшную историю... Что ж, выходит, и вам придётся узнать её. Ну, так слушайте.

Это было начало войны. Ваш папа ушёл на фронт, а я с тремя маленькими детьми, вашими старшими братьями и сестрой, и с бабушкой осталась в Угодском Заводе. Когда фронт приблизился и фашисты прорвали оборону, началась спешная эвакуация семей фронтовиков с детьми. Выдали пропуска на паром, потому что железнодорожную станцию прицельно обстреливали вражеские орудия. Собрав два узла с вещами, мы побежали к причалу. Там уже шла посадка на паром – спокойно и деловито. И в одну минуту вдруг всё изменилось: люди, услышав грохот канонады, оттеснили охрану и бросились к единственному спасению, парому.

«Сажаем на борт только женщин с детьми!» – кричал уставший красноармеец. Но страх пленил слабых людей – и началась паника. В этой панике нас тоже оттеснили далеко в сторону. Паром тяжело осел – и трап пришлось убрать.

«Вот наш пропуск!..» – кричала я, протискиваясь на причал. Но паром качнулся и медленно отплыл от берега.

Плакала бабушка, плакала я, ваша мама, плакал шестилетний Валера, плакали трёхлетняя Рита и годовалый Саша. Вдруг из-за облака вынырнул самолёт, с чёрными крестами на крыльях, и спикировал на паром. Взлетел фонтан воды... Ещё фонтан... Кто-то сорвал блузку и стал ею размахивать, мол, здесь дети и женщины!.. Но фашист не унимался: обстрелял из пулемёта и косогор, на котором столпились люди, ждущие ещё один рейс парома.

– Бегите под деревья, ложитесь! – кричал охрипший красноармеец, дежурный по причалу.

Все бросились на землю. Я, помню, шептала маленькому Саше: «Тихо, тихо!» Как будто вражеский лётчик мог слышать его плач. А потом мы увидели, что паром, который был уже посередине водохранилища, страшно накренился и погружается в воду. А вместе с ним, понятное дело, и люди...

Очнулась я дома. Оказывается, меня оглушило взрывом бомбы и я потеряла сознание. Бабушка потом рассказывала, как всех пострадавших на деревенской телеге развозили по укрытиям – долговязый запыхлённый красноармеец с забинтованной рукой и два каких-то старика. И назвался боец тот кому-то то ли Колей,

то ли Толей... А уж сказал ли он командирам своим, что подбил из установленного на тачанке пулемёта летающего фашистского изверга, про то, золотые мои, не знаю...

Захватчики так и не взяли Углич. Их остановили наши герои, а потом и вовсе прогнали с родной земли!

...Да, война для нас, детей, была раньше только в кино. А теперь – вот она, ожила и в этом маминном рассказе. Мы с Серёжкой притихли. Как успокоить и утешить маму? Мы вдруг увидели её такой молодой, такой беззащитной! А мама посмотрела на нас, на безмятежную гладь водохранилища и сказала отчётливо и негромко:

– Больше войны не будет ни-ког-да!

Это единственное, что мама захотела рассказать нам о военной поре. Все остальные, тыловые истории не в счёт.

Давно уж нет на белом свете наших родителей. Давно мы, их дети, и довоенные, и послевоенные, пересказываем уже своим детям и внукам фронтовые были отца и эту – почти что обычную в лихую годину Великой Отечественной войны – житейскую историю. Давно вместе и поодиночке со слезами на глазах вновь и вновь переживаем драму, очевидицей которой некогда случилось быть и нашей маме, двадцатисемилетней женщине с тремя малыши детьми на руках. Увидишь такую мамочку на аллее парка сегодня и невольно подумаешь: «Так молода! И... до чего же смела! Троих растит! И всё ей нипочём...» И ещё, может быть, подумаешь о пути, ей предначертанном, принакрытом пока туманом завтрашнего дня...

ПИОНЕР

Славку Шиляева исключили из пионеров ясным апрельским днём. Он стоял у школьной доски и, опустив голову, шмыгал носом. Наша пионервожатая Анна Антоновна (она у нас ещё и историю преподавала, и занятия в танцевальном кружке вела) подошла и сорвала со Славы галстук. Очень спокойно и буднично. Мы все, одноклассники-пятиклассники, замерли от неожиданности.

– В то время, пока вы собирали металлолом, Шиляев праздновал Пасху и объедался куличами и крашеными яйцами... – говорила вожатая. – Какая дикость! В наше время...

Над нашими головами повисла жуткая тишина. Если уж честно, многие дома ели необычно-

венные, праздничные, яйца, да и сами их красили с родителями. Правда, на сбор металлолома пришли всем классом, нас было много во дворе, и мы даже не заметили, что Шиляева рядом нет. В тот день наш класс расчищал соседний пустырь от ржавого железного хлама. Потом пришла огромная грузовая машина и увезла металл в приёмный пункт. Нас собрали на пионерскую линейку и объявили, что заработанные деньги пойдут на обустройство школьного двора. Все радостно кричали: «Ура! Ура!» – и хлопали в ладоши. Было так весело!

И вот Слава стоит растерянно у доски.

Кажется, совсем недавно, когда Юрий Гагарин полетел в космос и его назвали космическим пионером, Славка сам не свой бегал по коридору и кричал:

– Гагарин тоже пионер! Он, как и мы, пионер! «Зачем же его исключать? Так уж сразу?» – только и успела подумать я.

А Анна Антоновна, моя любимая учительница истории, у которой я четыре года танцевала в кружке бальных танцев, продолжала:

– Ты в церковь ходил на Пасху?

– Нет.

– А почему на сбор металлолома не пришёл?

– Мама не пустила...

И вдруг Анна Антоновна, жёстко, незнакомо ¹⁰⁷ усмехнувшись, спросила:

– А может, кто-то со мной не согласен? Может, кто-то хочет встать рядом с Шиляевым?

Вот уж чего не хотелось в тот момент, так это встать рядом с Шиляевым. Но я всё-таки подняла руку.

– Что ты? – недовольно буркнула любимая учительница-пионервожатая.

– А зачем сразу галстук снимать? Он же не Родину предал. Просто маму послушался. Может, он в Бога верит и не хочет в Пасху собирать металлолом?

Неуклюже вышло. Славка заплакал. Анна Антоновна разозлилась. И поволокла нас двоих к директору школы, добрейшему Дмитрию Пантелеевичу. Он отправил Анну Антоновну проводить урок. Шиляева тоже отправил в класс, мол, ты своё уже получил. А вот меня призадержал.

– Знаешь ли ты, голубушка, такое выражение: «Услужливый дурак опаснее врага»? – чуть усмехнувшись, спросил он.

– Знаю, знаю... – вздохнула я. Крылова мне частенько цитировала и мама.

– Ну так и защищать надо умеючи, чтобы не усугубить положение товарища. – Директор посчитал, что сыграл роль сурового наставника и, легонько развернув меня за плечи, отправил учиться.

В классе, скосив глаза на Славку, я увидела, что тот спокойно поедает бутерброды с соседкой по парте Верой Ивановской. Я же сидела за одной партией с Юркой Курицким. Юра протянул мне яблоко и посоветовал:

– Спокойно, спокойно!

После уроков меня позвали на заседание совета пионерской дружины. (Были раньше такие советы в школах.) Со мной пошёл почти весь класс. Ребята маялись в коридоре, ожидая, чем дело закончится. Наступил вечер, за окном стало совсем темно, когда я вышла из пионерской комнаты. Шиляев появился перед ребятами раньше, уже с галстуком, и сразу, как мне сказали, ушёл домой. Несколько самых терпеливых мальчишек и девчонок ожидали меня в коридоре. Славки среди них не было, впрочем, я никогда с ним и не дружила.

А вот Володя Евграфов, опекавший меня уже несколько месяцев и проявляющий некоторые знаки особого внимания вроде дёрганья за косички, бросился ко мне наперерез:

– Я тебя провожу!

– Смешной ты, Володя! Я ведь живу рядом со школой, – отмахнулась я, принимая из его рук свой портфель.

...Но и сегодня, многие годы спустя, я благодарна Евграфову за то, что он меня дождался.

ТАРЗАНКА

Жили-были три мальчика – Иван, Махир и Дима. Учились они в разных школах, в разных городах. А вот летом встречались в старинной Обояни: там коротали свой век бабушка Вани и бабушки-дедушки Димы да Махира. Тёплые беззаботные дни ребята проводили в летних забавах: ловили пескарей, жгли костры, строили шалаши и запруды, плавали и загорали. Тут уж было не до книг, компьютеров и мобильных да поисков покемонов. Реальная жизнь за городом, у реки, захватывала, она была полна неожиданностей и приключений. Взрослые частенько с интересом поглядывали на дружных мальчишек, но в их развлечения не вмешивались. Местные любители рыбалки, случалось, жаловались:

– Ваши сорванцы костёр не загасили, когда пескарей на огне пекли...

– Своими сачками они вчера порвали наши лески...

– Вся рыба в глубину от них сбегает...

Бабушка Ивана, рассудительная Евдокия Ивановна, считала, что ангелы-хранители не дадут ребятам совсем уж пропасть. А рыбакам придётся потерпеть, мол, сами детьми не были, что ли...

Так бы всё и шло, как шло. И уехали бы ребята загоревшие, отдохнувшие, немного ошалевшие от летней вольницы (Дима – в сибирский город Кемерово, Махир – на берега Каспия), но как-то утром Ваня, старший из ребят, стал их подбивать на лихую забаву:

– На тарзанке надо напоследок полетать!

– Может, со взрослыми? – предложил серьёзный, рассудительный Махир.

– Уже темнеет, не сорвёмся ли? – буркнул Дима. И примирительно добавил: – Я-то плаваю хорошо. У меня разряд. А у вас?

Но Иван чуть прищурил глаза – и повёл ватагу к реке.

Канат с узлом на конце был примотан к стволу огромной наклонённой к воде ивы.

Первым ступил с обрыва старший Ваня. Тарзанка, сделав круг над водой, вернула его на берег. Потом, резко оттолкнувшись от земли, полетел над рекой Махир. А потом и Дима, самый младший, но умеющий отлично плавать.

Никому из ребят не хотелось показать своих страхов. Летать над рекой, вцепившись в старый канат, было страшновато. Но Ивану не захотелось отступать.

– Ещё разок прыгну и пойдём! – И он решительно шагнул к тарзанке.

Канат понёсся над рекой, и... тут случилось непредвиденное – узел, за который ухватился Ваня, развязался и выскользнул из рук. Мальчишка спикировал в бежавший под ним Псёл. На мгновение он погрузился в воду, но тотчас вынырнул, правда, к берегу повернуть не смог, течение поволокло его дальше. Махир прыгнул за ним, и вот уже их двоих понесла река. Дима, прозванный местными ребятами Профессором, по-

бежал по берегу вдогонку, на ходу скидывая кроссовки и шорты. И вот он в воде. Мгновение – и ребята уже втроём, сцепившись руками, плывут вместе с рекой в неизвестность.

– К берегу, к берегу! – кричал Ваня.

– Вместе, вместе, – приговаривал Махир.

– Не робей... – почти захлёбывался Дима, но не выпускал руки друзей.

«Почему, ну почему ребята не звали на помощь?» – спрашивали потом, сойдясь на улице кружком, их родные.

Да и у меня, честно сказать, нет на эти вопросы у ответа...

Вы спросите, а что же сделали ангелы-хранители, чтобы спасти ребят?!

А они посадили на берегу рыбаков, тех самых, чьи сачки мальчишки опрокидывали, играя в разбойников.

Мгновение – и шест зацепил за рубашку одного... другого...

Мальчишки лежали на тёплом берегу и не могли насытиться. Как хорошо кругом, как тихо! Какие участливые и совсем нестрогие глаза у дядечек-рыбаков.

– Дорогу домой найдёте, пацаны?

– Да-да! – ребята бросились вверх по обрыву, удивляясь, как далеко уплыли от дома.

Как же радостно было бежать по тёплой летней земле!

Дома их уже искали. Кстати, место спасения, как я заметила, безлюдное, да и рыба сроду там не ловилась. Вот и задумаешься поневоле...

Прошло много лет. И вновь пересеклись пути давних друзей: на операционный стол к известным хирургам Дмитрию Николаевичу и Махиру Зиядовичу попал (примчала скорая помощь) Иван Алексеевич, военный человек.

...Пот катился по лбу одного и другого врача, сбоку светился монитор чудо-прибора, бесшумно перемещались за спинами анестезиолог и операционные сёстры... А рядом, справа, сияли несказанным светом лица трёх знакомых ангелов.

